

Всю жизнь охотился на гусей, а в итоге сам остался без глаз – птица оказалась хитрее и клюнула в ответ.

Инь Цичи вновь вызвал перед собой полупрозрачную панель управления и ещё раз, предельно внимательно, перечитал пункты, касающиеся временных напарников. Без сканирующей функции искусственного глаза изучать эти условия, где объем текста исчислялся десятками тысяч иероглифов, было крайне неудобно и утомительно. Хотя он мог бы ускорить этот процесс, задействовав духовное чутье, оно всё равно не шло ни в какое сравнение с невероятной быстротой и удобством искусственного глаза. К тому же Инь Цичи ещё не до конца освоил тонкости применения духовного чутья, из-за чего и допустил столь досадную оплошность.

Он замер, уставившись на одну-единственную строчку, которая была коварно скрыта среди множества других условий: «Материальные ценности, полученные временным напарником, подлежат немедленной сдаче и обмену на баллы, которые зачисляются на счет владельца системы. Распределение вознаграждения осуществляется владельцем самостоятельно».

Всё стало предельно очевидно: система межмировой торговли не только навязывала пользователю грабительские сделки, но и забирала себе львиную долю всей прибыли. При этом она наотрез отказывалась нести хоть какой-то риск, с легкостью перекладывая все возможные противоречия и трудности на плечи Цзян ХаньЯ и Инь Цичи.

Инь Цичи и без того последние несколько дней чувствовал себя скверно из-за полученных травм, а тут ещё, с подачи младшего сына семьи Инь, ему вовсе перестали приносить еду. В итоге он выживал лишь на пищевом геле, который приходилось скупать за драгоценные баллы. Вкус у этого геля был поистине неопишуемым – нечто среднее между химическим раствором и безвкусной слизью, – но зато он был настолько популярен в определенных кругах, что многие люди тратили огромные деньги на модификацию собственного тела. Они делали это для того, чтобы пищевой гель, минуя ротовую полость и вкусовые рецепторы, сразу попадал прямым в желудок.

Глядя на этот пункт договора, Инь Цичи почувствовал, как перед глазами всё потемнело от нахлынувшей ярости. И без того невысокий уровень симпатии Цзян ХаньЯ к нему после такого поворота наверняка упал ещё ниже, а шкала гнева, должно быть, взлетела до самых небес.

Он ведь искренне надеялся, что, сменив локацию, ему удастся потянуть время, а затем, притворяясь или искусно обманывая, постараться максимально снизить враждебность Цзян

ХаньЯ. Он полагал, что если грамотно разыграть карту жалости или использовать нечто подобное, Цзян ХаньЯ наверняка клюнет. Даже если не получится сразу уладить все разногласия, можно было попытаться выторговать какое-нибудь временное «соглашение на три года» или даже «на пять лет».

Всё, что откладывается на потом, со временем обязательно утрясется.

Инь Цичи был абсолютно уверен в своих актёрских способностях. Человек, сумевший дожить до совершеннолетия в жестоких труппах, обязан в совершенстве владеть навыком «с людьми говорить по-людски, а с демонами – по-демонски» – это была базовая комплектация для выживания.

А теперь...

- Система межмировой торговли, ты что, так сильно хочешь моей смерти?!

Цзян ХаньЯ довольно быстро пришёл в себя. Хотя он и лишился многих ценных трофеев, это досадное событие подтверждало одну важную вещь: связь между ним и Инь Цичи всё ещё существовала. А значит, была велика вероятность того, что Инь Цичи всё ещё находится в этом мире. Раньше Цзян ХаньЯ втайне опасался, что тот мог заранее вернуться на континент Черной Черепахи, бросив его одного в этом мире, где было практически невозможно восполнить запасы духовной энергии. Теперь же эта вероятность значительно снизилась.

Так что трупы магических зверей не были потрачены впустую.

- Считайте это платой за моё временное пребывание, – кивнул Цзян ХаньЯ следовавшему за ним Ли Шанжуну.

Погрузившись в глубокие раздумья, он направился к своему жилищу.

Хотя система культивации в этом мире существенно отличалась от той, что была принята на континенте Черной Черепахи, местные методы практики могли дать Цзян ХаньЯ ценную пищу для размышлений. Поиски, которые вела секта Южной Горы, тоже начали приносить свои

плоды, и через день-два всё должно было окончательно проясниться. Пока было время, он решил посвятить себя чтению книг. Путешествие в другие миры – редчайшая возможность, которая, скорее всего, выпадает человеку лишь раз в жизни, и он был намерен использовать её по максимуму.

Цзян ХаньЯ ушёл, оставив Ли Шанжуна в состоянии полного замешательства. Лишь спустя долгое время его окружили младшие ученики секты, которые с явным беспокойством начали расспрашивать, что же всё-таки произошло.

- Старший брат, на охоте с мастером Цзян что-то случилось?

- Да-да, скорее расскажите нам!

- Мастер Цзян использовал какую-то невероятную технику меча?

Ученики щебетали наперебой, перебивая друг друга. В последнее время Цзян ХаньЯ, стремясь отточить свои навыки и найти вдохновение в методах местных практиков, часто появлялся на тренировочной площадке. Там он не только наблюдал за процессом, но и иногда давал ценные советы. Глава секты Южной Горы и старейшины смотрели на это сквозь пальцы, даже поощряя подобные визиты: «Пусть смотрит! А вдруг Цзян ХаньЯ понравится у нас, и он решит вступить в нашу секту Южной Горы? Какое было бы счастье!»

В глазах учеников ситуация выглядела следующим образом: несмотря на то, что мастер Цзян был великим практиком стадии зарождающейся души, он был совершенно лишён высокомерия. Он охотно спарринговал с ними и мог с поразительной точностью указать на их ошибки, предлагая эффективные методы исправления. Многие из них извлекли огромную пользу из общения с Цзян ХаньЯ. К тому же внешность Цзян ХаньЯ была просто ошеломляющей.

Так или иначе, они все прониклись к нему искренним, почти фанатичным восхищением. Хотя среди практиков редко встретишь по-настоящему некрасивых людей – большинство из них были статными мужчинами и прекрасными девами, – внешность и особый темперамент Цзян ХаньЯ всё равно ярко выделялись на общем фоне. И хотя из-за высокого уровня культивации и почтенного возраста (?) мастера Цзян никто не смел питать к нему лишних надежд, просто смотреть на него было истинным эстетическим наслаждением.

Сложившись вместе, эти факторы превратили Цзян ХаньЯ в настоящий объект поклонения, каждое слово и каждое движение которого тщательно изучались и анализировались.

- Я... - Ли Шанжун постепенно пришёл в себя под натиском бесконечных вопросов младших братьев и сестёр.

Однако выражение его лица всё ещё было полно нескрываемого шока.

- Мастер Цзян в этот раз... охотился на множество магических зверей.

Магические звери третьего уровня - это ещё куда ни шло: хотя они и были ценны, но не вызывали такого неистового ажиотажа. Но четвёртый и пятый уровни - это совсем другое дело! Это были звери, сопоставимые по своей силе с практиками стадий зарождающейся души и формирования духа! Именно такие существа могли реально укрепить фундамент секты Южной Горы. Стоит заметить, что даже самый сильный практик их секты - глава - находился лишь на стадии зарождающейся души.

Даже спустя столько времени Ли Шанжун всё ещё не мог окончательно прийти в себя. Он ответил уклончиво и, чтобы наконец отвязаться от назойливых учеников, выложил перед ними несколько туш зверей третьего уровня. Все они были убиты одним-единственным ударом меча - чисто, быстро и без лишней суеты. Ученики, обступив туши, принялись восторженно ахать и восхищаться мастерством.

- Не зря это мастер Цзян, он поистине могуч!

Ли Шанжун задумался: «Это ведь всего лишь третий уровень. Если бы я показал им туши четвёртого или пятого, вот тогда бы они по-настоящему осознали, что такое мощь!» Внезапно он поймал себя на мысли, что употребил слово «всего лишь» по отношению к магическому зверю третьего уровня. А ведь всего пару дней назад он сам едва спасся из пасти такого же существа, едва не погибнув в одно мгновение...

Он тряхнул головой, прогоняя лишние мысли, убрал туши, ответил ещё на несколько настойчивых вопросов и наконец сумел вырваться из кольца чрезмерно восторженных учеников. Не смея принимать столь важные решения самостоятельно, Ли Шанжун поспешил просить аудиенции у главы секты. Ему было крайне необходимо тайно передать эти бесценные трофеи, чтобы не привлечь лишнего внимания и не вызвать алчности у других влиятельных сил.

Цзян ХаньЯ в это время находился в своих покоях и сосредоточенно читал книги. Он вполне

понимал общий смысл написанного, однако при малейшем внимании становилось очевидно, что эти иероглифы существенно отличаются от тех, что использовались на континенте Черной Черепахи. Чтобы избежать любых подозрений со стороны секты Южной Горы, Цзян ХаньЯ при чтении тщательно сверял каждый новый символ с теми, что уже знал. Живой язык давался ему куда сложнее, чем письменность, и даже с его мощным духовным чутьём и феноменальной памятью нескольких дней было недостаточно, чтобы полностью освоить местную речь. Поэтому он придерживался тактики осторожности и старался говорить как можно меньше.

В этот момент в покои вошёл Ли Шанжун и передал Цзян ХаньЯ приглашение. Глава секты Южной Горы желал встретиться с ним лично. Глава представлял собой утончённого мужчину средних лет, хотя на самом деле ему было около семисот лет. Однако, общаясь с Цзян ХаньЯ, который выглядел всего на шестнадцать-семнадцать лет, он не смел вести себя снисходительно. Если раньше они общались почти как равные, то теперь глава невольно проявлял глубокое уважение, подобающее обращению к старшему, несмотря на обманчиво юный облик собеседника.

Цзян ХаньЯ обычно искусно скрывал свою ауру, и, если не присматриваться с предельной внимательностью, его легко было принять за обычного человека, лишённого культивации. Раньше даже у самых скрытных практиков примерный уровень развития можно было определить по ритму дыхания или току энергии. Глава секты никогда прежде не сталкивался с подобным абсолютным сокрытием, но не стал расспрашивать об этом, решив, что это какой-то особый, секретный метод культивации Цзян ХаньЯ. Из-за этого глава так и не смог точно определить его истинный уровень. Сам Цзян ХаньЯ тоже не спешил распространяться о своих силах.

Но теперь, когда перед глазами лежали туши зверей пятого уровня, любой здравомыслящий мастер понимал: тот, кто способен одним ударом убить существо, равное по силе практику стадии формирования духа, скорее всего, и сам находится на этой стадии. А если нет, то, как минимум, достиг самого пика стадии зарождающейся души. При этом сам глава секты находился лишь на средней ступени стадии зарождающейся души.

Глава осторожно, с некоторым опасением взглянул на Цзян ХаньЯ. Внешность практиков обманчива и больше не могла служить надёжным ориентиром для определения возраста; чтобы узнать истинный возраст мастера, нужно было прощупывать кости. Хотя этот мастер Цзян был невероятно молод и красив, вполне вероятно, что за этой маской скрывался глубокий старец! В мире совершенствования первенство всегда отдают тем, кто достиг большего, а фактический возраст не имел почти никакого значения. Глава секты с явной ноткой почтения в голосе произнёс, что подарки Цзян ХаньЯ слишком ценны, и они хотели бы выразить свою глубокую благодарность.

- Сушя безделица, надеюсь, мастер не откажется принять, - мягко сказал глава.

- Не откажусь, - Цзян ХаньЯ слегка покачал головой.

Однако, не желая увеличивать доходы системы межмировой торговли или давать повод для радости Инь Цичи, он вежливо отклонил предложение:

- Я и так слишком долго обременяю вас своим пребыванием, а это лишь пустяки. Благодарности не нужно. Но сейчас я ищу одного человека. Если это возможно, надеюсь, ваша секта поможет мне найти его как можно скорее.

Поскольку секта Южной Горы и так была обязана Цзян ХаньЯ за спасение своих учеников, они уже начали поиски, и в них были достигнуты определённые успехи. Теперь же, когда он передал им столько туш высокоуровневых зверей, в знак признательности действия секты стали ещё стремительнее. Они задействовали почти все свои доступные ресурсы и связи, чтобы помочь Цзян ХаньЯ в его поисках.

Результат не заставил себя ждать: уже к вечеру того же дня вся собранная информация об Инь Цичи лежала на столе у Цзян ХаньЯ. Он принялся внимательно изучать материалы. Хотя сведения в них несколько отличались от того образа Инь Цичи, которого знал Цзян ХаньЯ, он не стал сильно сомневаться в их достоверности. В записях указывалось, что Инь Цичи изначально не был выходцем с континента Черной Черепахи, а вселился в тело после того, как местный Инь Цичи скончался. Причиной такого вселения стало то, что «Инь Цичи» с континента Черной Черепахи был своего рода двойником того, другого Инь Цичи.

«Может быть, и в этот раз ситуация аналогичная?» - подумал он.

Цзян ХаньЯ не стал делать поспешных выводов, решив увидеть всё своими глазами. Когда он прощался с членами секты Южной Горы, те были искренне опечалены его уходом и снова попытались вручить ему щедрые подарки. Цзян ХаньЯ вежливо, но непреклонно отказался от всего. Он поспешил в путь, направляясь к поместью семьи Инь в этом мире.

Семья Инь, Зал наказаний.

- Инь Цичи, ты пренебрёг священными узами братства, причинил вред своим братьям и, движимый черной завистью, пытался погубить родного брата! Принимая во внимание твои прошлые заслуги перед семьёй Инь, мы приговариваем тебя к восьмидесяти ударам палкой. У тебя есть возражения?

Восемьдесят ударов? При его нынешнем плачевном физическом состоянии не то что восемьдесят – даже двадцати хватило бы, чтобы отправить его прямиком на тот свет. Но Инь Цичи не паниковал, не молил о пощаде и не выказывал ни тени страха.

- Есть, – лениво подал голос юноша, прижатый к холодному полу.

Красивая женщина с заплаканными глазами, услышав, что он посмел возразить, тут же метнула в него взгляд, полный жгучей ненависти. Инь Цичи было совершенно плевать на чужие взгляды, он медленно и отчетливо произнёс:

- Какой ещё «родной брат»? Моя мать родила только меня одного. Во-вторых, что значит «пытался погубить»? Я всё делал открыто, не прячась. И наконец, завидовать ему? – юноша коротко усмехнулся. – Да он хоть чего-то достоин, чтобы я ему завидовал?

- Ты!., – взревел старейшина Зала наказаний, а госпожа Инь окончательно пришла в ярость.

Вслед за этим последовал поток беспощадных, грязных оскорблений. Инь Цичи даже не пытался слушать старейшину и госпожу Инь, просто пропуская все их слова мимо ушей. Его взгляд был прикован к маленькой красной точке на электронном экране, которая неумолимо и стремительно приближалась к его местоположению.

«Цзян ХаньЯ идёт. Спасёт он меня или нет? Ой, как же интересно будет посмотреть».

Остальные присутствующие в зале ещё немного поспорили, после чего вынесли окончательное решение: поскольку Инь Цичи не выказал ни капли раскаяния и вёл себя крайне дерзко, к приговору добавили ещё двадцать ударов для ровного счёта. Его грубо прижали к скамье для наказаний. Палач высоко поднял тяжелую палку, готовясь нанести первый сокрушительный удар.

В этом деле тоже были свои жестокие хитрости. Иногда после сотни ударов наказанный выглядел ужасно, весь в крови и ссадинах, но на деле получал лишь поверхностные травмы и через десять-пятнадцать дней полностью поправлялся. А иногда после сотни ударов внешне всё выглядело почти чисто, но внутренние повреждения органов были настолько серьёзны, что человек умирал, не прожив и дня. Эти сто ударов для Инь Цичи были стопроцентно вторым вариантом.

В глазах госпожи Инь мелькнуло злорадство. Этот выродок Инь Цичи посмел так изувечить её драгоценного сына, и теперь она была готова буквально съесть его плоть. Вспомнив о тайной договорённости, которую она заранее заключила со старейшиной Зала наказаний, она закрыла глаза, подавляя кипящий в сердце гнев. «Проклятый ублюдок, посмотрим, как ты теперь выживешь!»

Однако в этот самый момент в зале вспыхнул ослепительный белый свет, пролетел острый как бритва меч, и в следующую секунду палач был пронзён им насквозь и с силой пригвождён к стене позади. Всё произошло настолько молниеносно, что никто в Зале наказаний даже не успел среагировать.

Лишь Инь Цичи радостно рассмеялся:

- Йес, угадал!

<http://bllate.org/book/17943/1720825>